

Росинская Светлана Владимировна
заведующая библиотекой «Фолиант»
МБУК «Тольяттинская библиотечная корпорация»

Скульптор Вера Мухина: Неизвестные страницы биографии
Литературное расследование в библиотеке «Фолиант» МБУК ТБК к 60-летию со дня смерти народного художника и лауреата пяти Сталинских премий

В 2013 году исполняется 60 лет со дня смерти **Веры Мухиной** (1889-1953) - народного художника, русского и советского скульптора, создателя монумента *«Рабочий и колхозница»*, лауреата пяти Сталинских премий.

Давайте, почитаем о ней немного больше и попробуем узнать, какое несчастье случилось с Верой в юности? По какой причине ей пришлось за восемнадцать дней перенести девять операций? Почему родные убрали из дома все зеркала?

Известно, что Вера Мухина была купеческого рода, училась ваянию в мастерской знаменитого **Бурделя** в Париже, была одной из лучших его учениц. Именно там она познакомилась с **Александром Вертеповым**. Однако, почему их роман так и не сложился?

В 1916 году Вера, работая в Москве в военном госпитале, спасла от смерти и выходила больного тифом офицера и молодого хирурга с брусилковского фронта **Алексея Замкова**. Впоследствии он стал ее мужем и одним из самых модных московских врачей. Замков лечил Максима Горького, крупных чекистов. Изобрел ли Алексей Замков средство Макропулоса - лекарство от бессмертия? Или все это выдумки?

Что случилось с их сыном **Севой**? Почему Замкову пришлось оперировать его самому, на кухонном столе?

Почему после 1917 года Вера Мухина и ее муж не уехали за границу? Почему не переехали в Латвию, где купеческий род Мухиных был по-прежнему богат? Отчего не покинули страну, а продолжали жить в советской России, умирая с голоду в комнатах, где зимой температура не поднималась выше трех градусов тепла?

Известно, что отец Веры перед смертью почти разорился, но Веру ждало наследство деда-миллионера, владельца располагавшихся в Латвии домов, имений и заводов. В 1937 году после парижского триумфа скульптурного монумента *«Рабочий и колхозница»* по пути домой она заезжала в Ригу. Партийное начальство рекомендовало ей отказаться от семейных денег. Она сделала это с большой помпой: заявление скульптора было опубликовано в газетах. Но никаких бумаг Мухина не подписала.

Почему в СССР так и не узнали, что произошло с капиталами Мухиных?

Вот об этом обо всем и можно будет узнать в ходе литературного расследования на одном из сентябрьских вечеров в **Литературном клубе «Прикосновение» библиотеки «Фолиант» МБУК ТБК.**

Итак...

Дочка купца, фантазера и мецената, или Как все начиналось

Сначала московский переулок, где жила впоследствии Вера Мухина, называли Могильным - в честь прилегающего к местной церкви кладбища, потом он стал Пречистенским.

В тридцатые превратился в улицу Островского: автор романа *«Как закалялась сталь»* прожил здесь почти два года. В 1947-м в этом районе произошло совершенно необычное для советской Москвы событие: на улице Островского построили частный дом на деньги и по проекту того, кто собирался в нем жить...

Дом № 5А - славный двухэтажный желтый особняк с садиком, обнесенным железной оградкой, - принадлежал пятикратному лауреату сталинских премий, создателю монумента «Рабочий и колхозница» Вере Мухиной, а к проекту, по слухам, приложил руку знаменитый неоклассицист **Иван Жолтовский**. В былые времена здесь вполне могла бы обитать дворянская семья средней руки - особнячок выглядел уменьшенной копией домов, где прошло детство Мухиной.

Родительская семья Мухиной жила в родовом имении под Ригой, затем в Крыму, а после смерти отца Веры - в курском поместье, под присмотром опекавших ее дядюшек. Их купеческий род был очень богат, Мухины продавали на запад пшеницу, пеньку и лен.

Вера часто вспоминала детство: отца, фантазера и мецената, ведущего коммерцию с рискованным размахом и щедро тратящего деньги на людей искусства. **Игнатий Кузьмин** был талантливым человеком, и если бы не семейное дело, из него мог бы выйти артист. Женился он по любви на бесприданнице, мать Веры умерла от чахотки, когда девочке не было и двух лет. Отец боялся, что у дочек тоже есть предрасположенность к туберкулезу, поэтому из Риги перевез их на юг, в Феодосию.

Игнатий Мухин умер, когда Вере было 14 лет, с тех пор о ней с сестрой заботились дяди. Сестры воспитывались в родовом доме в Курске и слыли там красой и гордостью губернских балов. Когда дядюшки разрешили племянницам переехать в Москву, курские кавалеры загрустили - Вера и Мария были завидными невестами.

В Москве Верочка занялась живописью и скульптурой, там у нее завязался первый в жизни роман: избранник был малым широкоплечим, словно медведь, но ей всегда нравились крупные мужчины...

Катастрофа

Любовь оборвалась зимой, когда она отправилась на Рождество к родным в Кочаны. В смоленском имении было очень весело, в числе прочих развлечений значились и катания на санках с ледяной горки: склон был крутым, и в конце пути, когда санки летели стрелой, их занесло - они помчались прямо на дерево...

Последовал страшный удар, девушка решила, что у нее треснула голова, но боли почему-то не почувствовала. Поднесла руку к лицу и замерла от ужаса - носа не стало... Окровавленную, с зажатой между чудом уцелевшими зубами губой, ее отвезли в уездную больницу - за восемнадцать дней Вера перенесла девять операций.

В имение она приехала в бинтах, из дома тут же убрали все зеркала: родные боялись, что, увидев себя, бедняжка решится на самоубийство. Когда бинты сняли, она пыталась поймать свое отражение, смотрясь в полированные лезвия ножниц. Некогда хорошенькое лицо покрывали шрамы, на Веру было страшно смотреть.

Вернувшись в Москву, 22-летняя Мухина переехала на другую квартиру и прекратила занятия: она боялась показываться на глаза старым знакомым. Прежде дядюшки отказывали ей в поездке в Париж: разве может барышня из приличной купеческой семьи жить одна в этом вертепе разврата? Для чего нашей Верочке заниматься скульптурой у какого-то Бурделя? Хорошие учителя есть и в России...

Но теперь все изменилось: ее жалели, к тому же появилась и другая причина: знакомые врачи говорили, что в Париже ей могут спасти лицо.

Это оказалось так и не так: дядюшки не жалели денег, парижские хирурги сделали ей несколько операций и действительно восстановили лицо, но оно стало другим. Новое лицо казалось Вере мужским: слишком большим, грубым, чересчур волевым - кто же такую полюбит? Она решила забыть о балах и флирте, не помышляла о супружестве. И, долго колеблясь между живописью и скульптурой, выбрала таки ваение.

В парижской мастерской Бурделя

В мастерской знаменитого Бурделя Вера стала одной из лучших учениц, но засиживаться за работой ее заставляла не только любовь к искусству. У Бурделя училось несколько русских, и среди них **Александр Вертепов**, которого давно разыскивала русская полиция. Во время революции 1905 года Вертепов убил генерала Карангозова.

Вера была в него влюблена, но новая внешность, как она думала, не оставляла ей никаких шансов. Однако... Если она станет первой ученицей Бурделя и прославится как скульптор, Вертепов наверняка обратит на нее внимание. И молодая русская работала как проклятая.

Впрочем, роман с террористом так и не сложился, Мухина вернулась в Россию, Вертепов же остался в Париже. Они часто переписывались, потом грянула Первая мировая, и вскоре письма из Франции приходят перестали: Александр вступил в Иностранный легион, и в одном из боев был убит.

Крестьянин из Пажеского корпуса

..1916 год, Москва, военный госпиталь. Пахнет карболкой, кровью и пропитанными гноем бинтами, сестры сбиваются с ног: с фронта все время приходят новые эшелоны с ранеными, палаты переполнены, не хватает ни персонала, ни лекарств. Вера работает волонтером в инфекционном отделении. Скульптурой занимается урывками, по вечерам, а в госпитале берется за работу, которой брезгуют другие сестры.

Любимчиков среди пациентов у нее нет, но несколько дней она не отходила от постели больного тифом офицера, молодого хирурга с брусилковского фронта **Алексея Замкова**. Вера влюбилась в него с первого взгляда. У него были по-крестьянски широкие плечи, мощные руки, а лицо тонкое - если бы не выстриженные по моде усики, офицер был бы похож на молодого Наполеона.

Он метался в бреду, воображая себя то грузчиком, то бухгалтером. Порой ему казалось, что он сдает за курс в классической гимназии и надо рассказать о Юлии Цезаре. Вдруг начинал просить милостыню, а после произносить речь на студенческой вечеринке...

Ртутная полоска торчащего из-под мышки термометра переваливала за сорок... Когда жар спал, офицер, открыв глаза, увидел, что над ним наклонилась чудесная барышня в белом халате. А когда смог ходить, Мухина поддерживала его под руку на прогулках. Выйдя впервые на улицу, Алексей отправился за букетом. Из госпиталя Замков переехал к Вере: они были не венчаны, но считали себя мужем и женой.

Со временем Алексей Андреевич Замков стал одним из самых модных московских врачей. Он лечил Максима Горького, крупных чекистов: заместителя председателя ОПТУ **Менжинского**, начальника оперотдела ОГПУ **Карла Паукера**, начальника военной разведки **Берзина**.

Усиленная частная практика родила среди коллег недоброжелателей, по Москве начала гулять легенда: Замков-де не тот, за кого себя выдает, на самом деле у него другая биография. В ней найдется место и его фотографии в форме полковника царской армии, и анкете, где в графе «происхождение» стояло «из крестьян», а в графе «образование» - «Пажеский корпус» (привилегированное военное учебное заведение, куда брали только детей высшей аристократии).

Поговаривали, что новую судьбу Замкову в 1918 году придумал сам Менжинский: *«Ты должен измениться, Алеша. Иначе тебя убьют»*. Но все это были выдумки, впрочем, подлинная судьба Замкова едва ли менее удивительна.

Он родился в крестьянской семье, такой бедной, что зимой, когда не было полевых работ, родителям приходилось жить подаянием. По окончании четырех классов церковно-приходского училища отец увез его в Москву: там Алексей работал грузчиком на таможне, рассыльным в банке, артельным рабочим, а через несколько лет сумел

выучиться на бухгалтера. Для крестьянского сына это было почти невероятной удачей, и родня им гордилась, но когда парень решил сдать экзамены за гимназический курс, его отговаривали всем селом. Как же Алеша такое осилит?

В гимназии учились 8 лет, кроме немецкого и французского гимназисты проходили классическую латынь. Но Алеша занимался днем и ночью, два года жил неизвестно чем и... все-таки получил заветный диплом.

В 26 лет Замков поступил на медицинский факультет Московского университета и сразу после выпускных экзаменов ушел на фронт. Он был человеком с железным характером, к такому всегда тянуло Веру.

После октября 1917 гака банковские вклады аннулировали, недвижимостью реквизируют, и ее семья перебралась в Латвию - там Мухины по-прежнему были богатыми людьми.

Однако доктор Замков никуда уезжать не собирался, а она не могла с ним расстаться. В революцию Вера жила с мужем на Пречистенке. Зимой температура в комнатах не поднималась выше трех градусов, с голоду они не умерли благодаря молоку и картошке, которые Замков привозил из своей деревни.

...Между теми событиями и последующей жизнью Веры Мухиной пролегла пропасть. В 1947 году она была уже советским классиком, ей покровительствовал сам председатель Совнаркома **Молотов**, а его, как говорили, просил позаботиться о скульпторе умирающий Горький.

В новый дом Вера Игнатьевна перебралась с сыном и внучкой: мужа не стало в 1942 году. В особнячке пахло свежим деревом и краской. Мухина прошла по комнатам, заглянула в огромную мастерскую с окном-фонарем до самого потолка, подумав, что здесь они с Алексеем были бы счастливы. Хотя судьба и так дала им немало: 24 года совместной жизни, прекрасного сына, которого удалось спасти...

В 4 года их сын Всеволод упал с железнодорожной насыпи, после чего у малыша развился костный туберкулез. Опытнейшие московские педиатры говорили, что мальчик обречен.

Тогда Замков решился на операцию, а так как коллеги уверяли, что риск неудачного исхода - более девяноста процентов, делать ее в больнице было нельзя. И отец прооперировал Севу дома на кухонном столе, ассистировала ему Вера - пригодился госпитальный опыт.

Ребенок выжил: сначала его возили в инвалидной коляске, потом он встал на костыли, а через три года начал ходить. Со временем прошла и хромота.

Сенсационное изобретение гравидана - панацея или знахарство?

В начале тридцатых медицинская слава Замкова была громче известности Мухиной. Работая в Институте экспериментальной биологии, он изобрел новый препарат, изготавливавшийся из мочи беременных: ее стерилизовали и вводили под кожу больным. Лекарство Замков назвал *«гравиданом»* - инъекции избавляли наркоманов от ломки, помогали шизофреникам и людям, поправляющимся после тяжелой болезни.

Попробовав гравидан на себе, Замков сравнил его действие с бутылкой хорошего шампанского: веселое опьянение, легкость, повышенная работоспособность... Но в отличие от шампанского одна инъекция действовала дольше десяти дней, а курс из десяти-пятнадцати уколов лечил хронические заболевания.

Гравидан стал сенсацией, Замков получил лабораторию в Институте экспериментальной биологии, пошла в гору и частная практика. Многие чиновники в высшей советской партноменклатуре страдали из-за хронического переутомления, и их выручал морфий. Гравидан оказался спасением - помогал справиться с усталостью, бессонницей, мигренью и неврозами. К тому же у него было любопытное побочное действие - уколы поднимали потенцию...

Через несколько лет в адресованной НКВД объяснительной записке директор Института экспериментальной биологии напишет о том, что стремительный взлет его ученика породил недоброжелательство среди коллег: *«Среди ученых и врачей зависть к чужим успехам нередко вызывает интриги и склоки. Против А. А. Замкова поднялась настоящая травля».*

В первую очередь завидовали громадным деньгам, которые приносила частная практика Замкова, и 9 марта 1930 года, в день рождения доктора, в «Известиях» появилась статья, подписанная сотрудниками его института, не оставившая от метода Замкова камня на камне. Лечение гравиданом авторы объявили знахарством, создателя препарата - шарлатаном. В мае Замкова уволили...

Тяжкое преступление или попытка выжить?

В биографии Мухиной имелась страница, о которой мало кто знал. В 1947 году, когда жилища дома 5А по улице Островского была членом Президиума Академии художеств СССР, кто мог представить, что 17 лет назад она пыталась нелегально выехать из страны? Преступление считалось тяжелым, оно приравнивалось к измене Родине, но Замкова и Мухину это тогда не остановило.

Они собирались отправиться на юг, а потом сменить курс и пересечь персидскую границу. Дальше Мухина предлагала податься в Литву, к богатым родственникам, Замков хотел в Алжир - там жил его учитель, профессор **Алексинский**. Но что бы они тогда ни решили, значения это не имело: пациент Замкова, посоветовавший им бежать из страны и давший адреса людей, которые могли бы провести их в Персию, оказался агентом НКВД.

...В Харькове поезд стоял больше двадцати минут. В вагон вошли люди в синих фуражках и с малиновыми петлицами: один встал у дверей купе, другой предложил собрать вещи и пройти. В тот же день их под охраной отправили в Москву. В столице супругов поместили в разные камеры. Следователь хотел знать, не собирался ли Замков продать секрет своего изобретения за рубеж, и был крайне удивлен, услышав, что дело не тянет ни на расстрел, ни на большой срок: формула гравидана опубликована.

За супругов хлопотали влиятельные пациенты Замкова. Веру выпустили, не предъявив никаких обвинений, а Алексею дали три года ссылки в Воронеж с конфискацией имущества.

По следам декабристов

Оставив Москву, Мухина теряла все - выставки, связи, сотрудничество со знаменитым модельером **Ламановой**, вместе с которой она работала в «Мастерских современного костюма». И все же Вера поехала вслед за мужем - Замков служил врачом в железнодорожной поликлинике, Мухиной выделили мастерскую в сыром деревянном бараке.

Поначалу казалось, что они пропали навсегда, но в Москве остались друзья - и среди них Горький. Друзья продолжали хлопотать, и все же куда важнее была живущая собственной жизнью легенда о чудо-препарате. Кому именно из больших людей он помог, так и осталось тайной: кто-то говорил, что это нарком обороны **Ворошилов**, другие называли **Семена Буденного** и даже самого **Сталина**.

Из огня, да в полымя

В результате судьба Замкова и Мухиной совершила очередной вираж. Из ссылки опального врача вернули досрочно и назначили научным руководителем организованного для него Института урогравиданотерапии. Супругам дали огромную квартиру у Красных ворот, а для института, располагавшегося возле Хотькова, открыли специальную

железнодорожную станцию - тогда она называлась «57-й километр», теперь - «Абрамцево».

Так началась самая счастливая полоса в их жизни. Перед женой знаменитости, лечившего кремлевскую элиту, открывались все двери, благодаря ее хлопотам скульпторам выделяли мастерские и стоивший бешеные деньги мрамор. А современнейшее оборудование Института урогравиданотерапии закупили на ее средства - семейные деньги Мухиных, ренту от оставшихся на Западе банковских вкладов и доход от рижских домов.

Гравидан был замечательным препаратом, но у него имелся недостаток - быстро развивалось привыкание, после этого он работать переставал. С 1932 по 1938 год дешевый гравидан, сырье для которого всегда было в изобилии, всюду продвигали в массы. Метод Замкова внедряли в поликлиниках, на предприятиях создавались «опорные точки гравиданотерапии», чудо-препаратом лечили все болезни - от психастении и шизофрении до артроза и сифилиса, им прерывали беременности.

А потом случилось то, об истинных причинах чего Замков и Мухина так и не узнали. По слухам, гравидан перестал помогать вождям, якобы у кого-то из них он вызвал обострение вялотекущей шизофрении.

Последствия не заставили себя ждать: Институт урогравиданотерапии закрыли в два дня, переоборудовав его в больницу для алкоголиков. Аппаратуру уничтожили, а единственный в СССР электронный микроскоп, купленный на деньги Мухиной, выбросили со второго этажа.

Сам урогравидан при этом производить не перестали, он продавался в аптеках до 1964 года, но Алексею Замкову это не помогло - с его научной карьерой было покончено навсегда. От ареста супругов спас триумф Мухиной: ее проект победил на конкурсе скульптур для советского павильона на Всемирной выставке в Париже.

Что хорошо, то хорошо!

Первый эскиз принадлежал создателю павильона, знаменитому архитектору-конструктивисту **Иофану**. Конкурсанты развивали его идею, вместе с Мухиной в проекте принимали участие такие мастера, как **Андреев, Манизер и Шадр**, но ее работа оказалась лучшей. Однако чтобы воплотить ее замысел в жизнь, потребовался месяц адового труда целого НИИ машиностроения.

В России никогда еще не делали 24-метровые стальные статуи, время поджимало, а инженеров тревожил реющий на ветру шарф колхозницы. Зампред Совнаркома требовал вообще от греха подальше убрать шарф. Потом в ЦК поступил донос - один из сотрудников НИИ решил, что в очертаниях складок юбки колхозницы... угадывается профиль Троцкого. Когда статуя была готова, члены ЦК осмотрели ее ночью при свете прожекторов. Молотов и Ворошилов долго ходили вокруг, ища и не находя лика Троцкого. Молотов сказал:

- *Что хорошо, то хорошо!*

Ворошилов поддакнул:

- *Что здорово, то здорово...*

Триумф

Работу одобрили, и Мухина с коллективом ЦНИИМаша отправилась в Париж собирать статую - ее везли в 28-ми железнодорожных вагонах. Когда скульптуру собрали, бригада безработных парижанок, нанятых за небольшую плату, чистила «Рабочего и колхозницу» так, как чистят столовые приборы - тряпками и зубным порошком.

А потом был неслыханный триумф: хвалебные статьи в мировой прессе, просьбы оставить статую в Париже. Особую остроту успеху добавляло то, что напротив советского

павильона, по другую сторону Сены, высился павильон нацистской Германии со свастикой наверху - по сравнению с «Рабочим и колхозницей» он казался уродливым и невзрачным.

В Москву Мухина вернулась победительницей. За «Рабочего и колхозницу» она получила орден Трудового Красного Знамени, через несколько лет на нее как из рога изобилия посыпались сталинские премии.

И пожалуйста, никаких глупостей вроде препарата Замкова!

Но мужа ее неудача сломила: Алексей Замков работал рядовым врачом в больнице для слепых, позже один из учеников взял его в институт Склифосовского - сверх штата и без зарплаты...

В эвакуацию в Каменск-Уральский, городок на реке Исеть, Замков увез весь архив своего бывшего института. Там он стремительно старел, работал в поликлинике алюминиевого завода и просил отправить его на фронт. В Москву вернулся тяжелобольным человеком, но судьба вполне могла подарить ему еще несколько лет жизни.

Погубила мужа Веры Игнатьевны фраза молодой женщины-врача, которую вызвали к нему после очередного сердечного приступа. Выписывая рецепт, доктор сказала:

- ...*И пожалуйста, никаких глупостей вроде препарата Замкова!*

Услышав это, Алексей Андреевич во весь голос крикнул: «Вон!», схватился за сердце, и через минуту его не стало.

Письмо министру иностранных дел

После его смерти Вера Игнатьевна прожила одиннадцать лет. Умерла она, как и муж, из-за слабого сердца: Мухина надорвала его, когда занималась памятником Горькому, постоянно лазая по окружавшим скульптуру лесам.

Пока муж был жив, они часто мечтали о собственном доме. Они не любили бывшие барские квартиры, куда их вселяли по ордерам Моссовета: там все было пропитано духом прежних жильцов. В комнатах стояла мебель бывших хозяев, на дверных косяках виднелись зарубки, отмечающие рост чужих детей.

Летом они уезжали в Борисово, родовую деревню Замковых, - там у Мухиной была мастерская. Когда мужу дали институт, они продали дом в Борисове и обосновались возле станции «57-й километр» - впоследствии «Абрамцево» - московское жилье казалось им случайным и неудобным, а дом, о котором они мечтали, появился только через пять лет после смерти Замкова. Однако его юридический статус долго оставался туманным.

Незадолго до смерти Вера Игнатьевна передала сыну письмо, попросив отправить его, когда случится неизбежное. Письмо было адресовано недавно назначенному министром иностранных дел Молотову: Мухина просила «не забывать изобразительное искусство», «почистить аппарат управления искусств», поставить в Москве ее памятник Чайковскому, «отлить в бронзе остающиеся после меня небольшие вещи», а напоследок - помочь с квартирой.

- *Квартира-мастерская, в которой я жила, - писала она, - до сих пор из-за юридических формальностей не принадлежит ни Министерству культуры, ни Моссовету, ни мне. Очень прошу сделать так, чтобы она осталась за моими ребятами...*

Вера Мухина умерла 6 октября 1953 года, 8 октября. Молотов разослал копии письма членам ЦК, и жилая часть дома осталась «ребятам». Мухина хотела, чтобы в мастерской на Пречистенке работали дипломники Суриковского института, однако ее отдали Институту реставрации - а во второй половине дома до сих пор живут потомки скульптора.

Наследство Веры Мухиной оказалось куда больше, чем думал Молотов: в СССР так и не узнали, что произошло с капиталами Мухиных. Перед смертью ее отец почти разорился, но Веру ждало наследство деда-миллионера, владельца располагавшихся в Латвии домов, имений и заводов.

В 1937 году после парижского триумфа по пути домой она заезжала в Ригу, партийное начальство рекомендовало ей отказаться от семейных денег. Она сделала это с большой помпой: заявление скульптора было опубликовано в газетах. Но никаких бумаг Мухина не подписала.

Вскоре Латвия вошла в состав СССР, и о наследстве забыли, однако, оказалось, оно ждало своего часа: среди прочего Мухиной причиталось шесть гектаров земли в центре Риги, часть из них правнуку Веры Игнатъевны удалось отсудить.

Литература:

- 1. Александров А.** Средство Макропулоса/Алексей Александров// Караван историй - 2012 №5. - Стр. 247-255.
- 2. Воронов Н. В.** Вера Мухина (Монография). - М.: Изобразительное искусство, 1989. - 336 с. - 18 500 экз.
- 3. Воронов Н. В.** «Рабочий и колхозница». - М.: Московский рабочий, 1990. - 80, 16 с. - (Биография московского памятника). - 45 000 экз.
- 4. Зотов А.** Мухина Вера Игнатъевна: Народный художник СССР. - М.-Л.: Искусство, 1944. - 16 с. - (Массовая библиотека). - 15 000 экз.
- 5. Ревзин Г.** Пляски смерти и торговли// Коммерсант. - 2009. - 29 сентября.

